

УДК 93(470.41)"1545/1546"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

**ДВА ПЕРЕВОРОТА 1545/46 Г. В КАЗАНИ:
К ВОПРОСУ О КОНФИГУРАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИЛ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ КАЗАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Н.В. Белов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
belovnikita1997@yandex.ru*

Цель: исследование основных направлений и результатов политической борьбы в Казанском ханстве на начальном этапе Казанской войны 1545–1556 гг.

Материалы исследования: широкий круг опубликованных и архивных источников, в первую очередь русские летописи, разрядные книги, посольская документация, тюрко-татарские нарративные памятники, актовый материал.

Результаты и научная новизна: впервые на основе детального анализа сообщений как можно большего числа источников проанализирована внутривнутриполитическая ситуация в Казанском ханстве второй половины 1540-х гг. Привлечение к исследованию источников различного происхождения (как русских летописей, актов, разрядных книг, так и казанских, крымских, ногайских, астраханских нарративов и посольской документации) позволило представить объективную картину политической борьбы, развернувшейся в Казани после русского похода весны 1545 г. Комплексное рассмотрение свидетельств источников не дает оснований говорить о происходившей в столице Казанского ханства борьбе группировок татарской знати. Напротив, наблюдается монолитность всех слоев населения Казани в борьбе против узурпатора Сафа-Гирея. Захват Казани Сафа-Гиреем в 1546 г. ознаменовал собой тотальную смену верхушки управленческой элиты ханства, оказав существенное влияние на крушение казанской государственности в 1552 г.

Ключевые слова: политическая борьба в Казанском ханстве, Сафа-Гирей, Шах-Али, Казанская война

Для цитирования: Белов Н.В. Два переворота 1545/46 г. в Казани: к вопросу о конфигурации политических сил в первые годы Казанской войны // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 339–350. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

**TWO COUPS OF 1545/46 IN KAZAN:
THE QUESTION OF THE CONFIGURATION OF POLITICAL
FORCES IN THE EARLY YEARS OF THE KAZAN WAR**

N.V. Belov

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation
belovnikita1997@yandex.ru*

Abstract: *Objective:* A study of the main directions and results of the political struggle in the Khanate of Kazan in 1545–1546.

Research materials: A wide range of published and archived sources: the Russian chronicles, books of official orders in the Russian state, ambassadorial documents, the Turko-Tatar narrative sources, historical acts.

Results and novelty of the research: The study presents an analysis of the internal political situation in the Khanate of Kazan in the second half of the 1540s. The study involved sources of different origins: Russian (chronicles, acts, books of official orders) materials as well as those stemming from the Khanates of Kazan, Crimea, Nogai, and Astrakhan (historical narratives and ambassador documentation). This made it possible to reconstruct a balanced picture of the political struggle that unfolded in Kazan after the Russian campaign in the spring of 1545. A comprehensive review of the evidence of the sources does not provide grounds to prefigure it as a struggle among the Tatar nobility groups that took place in the capital of the Khanate of Kazan. On the contrary, there was unity of all segments of the population of Kazan in the fight against the usurper, Safa-Giray.

Keywords: political struggle in the Kazan khanate, Safa-Giray, Shah-Ali, Kazan war

For citation: Belov N.V. Two Coups of 1545/46 in Kazan: The Question of the Configuration of Political Forces in the Early Years of the Kazan War. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 339–350. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

Представитель крымской династии Гиреев хан Сафа-Гирей занял казанский престол по приглашению «казанских князей», сместив неугодного местной аристократии московского ставленника Джан-Али осенью 1535 г. [18, с. 20]. Сафа-Гирей уже управлял Казанью в 1524–1531 гг. во время напряженного московско-казанского противостояния и вынужден был оставить ханский трон в результате военно-дипломатического давления Москвы. Возвращение в Казань стало для него, таким образом, началом очередного витка борьбы с московскими государями. На южных и восточных границах Московского государства постепенно формировался блок татарских государств: Крыма, Казани и сочувствующей им Ногайской Орды. Уже через месяц после переворота в Казани крымский хан Сахиб I Гирей писал правительнице Елене Глинской: «Казань мой юрт, а учнешь его воевати, то ты мне недруг»¹. Чувствуя поддержку со стороны Крыма, казанские власти активизируют военные действия в русско-казанском порубежье. Нападением казанских татар под-

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 8. Л. 420об.–421.

вергаются Муром, Нижний Новгород, Балахну, Вятка, владимирские, костромские и галицкие «места» [10, с. 116–119; 18, с. 24, 27, 28, 31, 130].

Москве же удалось мобилизовать ресурсы для наступательной войны против Казани только к середине 1540-х гг. В апреле–мае 1545 г. состоялся поход под Казань русских судовых ратей под командой князей Семена Ивановича Микулинского-Пункова и Василия Семеновича Серебряного-Оболенского. Шедшим «легким делом в струзах» войскам не удалось взять хорошо укрепленный город. Запоздавший к общему «делу» пермский отряд воеводы Внучко Львова и вовсе был уничтожен казанцами. Казалось бы, поход русской армии был отбит [18, с. 46; 19, с. 136; 20, с. 27; 21, с. 109; 22, с. 316–317]. Тем не менее, в Казани назревало открытое столкновение хана Сафа-Гирея и местной знати.

Действия хана давно уже вызывали ропот в среде казанской аристократии: по сообщениям как русских, так и ногайских, и казанских источников, он мало интересовался делами поволжского юрта, заботясь лишь о собственной выгоде и удовлетворяя меркантильные интересы своего окружения. Всеми делами в ханстве заправляли выходцы из Крыма, получавшие от казанского правителя многочисленные пожалования и чины [12, с. 293; 16, стб. 49; 1, с. 60]. Вероятно, сознавая свое непрочное положение, крымское правительство занималось откровенным грабежом населения: «у ково отца не стало, и он (Сафа Гирей. – *Н.Б.*) отцова доходу не давал. А у ково брата болшово не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал» [11, с. 270–271]. Судя по всему, все это стало причиной того, что местная знать пошла на неповиновение хану. Враждебная позиция Сафа-Гирея по отношению к Москве привела в итоге к разорению казанских земель. В ходе весеннего похода 1545 г. русские войска хотя и не причинили особого вреда татарской столице, зато основательно пограбили владения казанских феодалов². Отношения хана и его подданных накалились до предела. Если верить летописным известиям, казанские мирзы, по-видимому, не пытались оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление русским воеводам, предпочтя за лучшее отсидеться в Казани [6, с. 233]. Это-то и стало поводом для окончательного разрыва отношений между ханом и «казанскими князьями». С уходом московских воевод Сафа-Гирей обвинил местную элиту в связях с Москвой [18, с. 46]. Справедливости ради следует сказать, что едва ли недовольные ханом вельможи действительно вступали в тайные переговоры с великим князем Иваном IV: сведений подобного рода не найти ни на страницах русских летописей, ни в дипломатической переписке тех лет. Но «раскрытый» ханом Сафой мнимый «заговор» сановников способствовал скорейшей подготовке заговора действительного.

Опасаясь ханской ярости, некоторые аристократы бежали из города ко двору князя Ивана или «по иным землям» [18, с. 46]³. Оставшиеся в Казани заговорщики видели лишь один путь спасения ханства – скорейшее замире-

² В частности, были разорены располагавшиеся на Свияге владения мирзы Муртозы, сам Муртоза вместе со своим сыном попал в плен; уничтожению подверглись и находившиеся под Казанью «царевы кабаки» – пожалованные казанской знати постоянные дворы, приносившие своим хозяевам немалый доход [18, с. 46; 3, с. 4–5].

³ Под «иными землями» летописец скорее всего подразумевал Ногайскую орду, с первых лет правления Сафа-Гирея ставшую пристанищем для «казанских эмигрантов» [12, с. 189].

ние с Москвой. 29 июля в Москву прибыли посланцы от главы заговорщиков Кадыш-бека, обещавшего выдать хана и его окружение в случае присылки к Казани государевых ратей. Не исключено, что в Боярской думе обсуждался вопрос: стоит ли ввязываться в военно-политическую авантюру? – глухой отзыв прений по этому вопросу донес до нас анонимный автор Казанского летописца [16, стб. 50–51]. В результате правительство пришло к компромиссному решению. Иван IV «послал ... грамоту с своим жялованием, чтобы они (заговорщики. – *Н.Б.*) царя изымали и держали, а князь великий к ним рать свою пошлет» [18, с. 47]. Иными словами, «князи» должны были своими силами совершить военный переворот, и лишь после этого собранное на границе с Казанским ханством русское войско могло оказать им поддержку против возможных военных акций со стороны потенциальных союзников Сафа-Гирея – крымских, ногайских и астраханских татар.

В ноябре–декабре 1545 г. заговорщики перешли к решительным действиям: в столице ханства произошел переворот. Окружавшие правителя выходцы из Крыма были в большинстве своем перебиты, а сам Сафа-Гирей, будучи «согнанным» с престола, отъехал в степь [18, с. 47, 146; 14, с. 148; 15, с. 447; 16, стб. 49; 17, с. 466; 19, с. 136; 20, с. 27]. Пребывая во Владимире, князь Иван 17 января 1546 г. узнал о свержении своего противника. Уже на приеме в Москве посланник временного аристократического правительства (во главе которого стояли лидер казанского духовенства Биюрган-сейид, князь Кадыш-Бек и Чура Нарыков) Гаммет-ших вручил Ивану IV грамоту с просьбой о возведении на казанский престол касимовского «царя» Шах-Али. По приказу государя в Казань для переговоров о союзе и избрании нового хана отправился воевода Евстафий Андреев [18, с. 47–48]. Казанские «князи» выполнили свою часть договора. Исполнил свои обещания и Иван IV: к середине апреля 1546 г. в Нижнем Новгороде должно было собраться русское войско, помимо прочего включавшее в себя порядка 1000 конных воинов и 1300 пищальников из Новгорода Великого⁴.

Тем временем, пока московские войска собирались на границе, в Казани развернулась дискуссия по поводу дальнейшей судьбы Казанского государства. По сообщению Казанского летописца, вопрос о кандидатуре хана вызвал бурное обсуждение в среде местной знати: назывались имена «какова-либо» крымского «царевича», московского и турецкого ставленников и... даже недавно изгнанного хана Сафа-Гирея [16, стб. 50]! Могла ли подобная «межпартийная борьба» происходить в столице юрта зимой 1546 г.? И какова была общая расстановка политических сил в Казани в 1545/46 гг.? По нашему мнению, эти важнейшие вопросы требуют обстоятельного разьяснения.

Согласно устоявшейся в историографии точке зрения, в Казани уже к концу XV в. формируются национально ориентированные «партии»: промосковская и восточная, стремившиеся при любом удобном случае возвести на

---

⁴ Разрядный и разметный списки о наборе с города 1973 человек «на конех» и 2000 пищальников были получены в Новгороде в сентябре 1545 г. – незадолго до переворота в Казани. Позднее, в феврале 1546 г., после ряда челобитных норма была существенно снижена. Впрочем, новгородцы не до конца выполнили и эту разнорядку: в споре с обладавшими существенным правовым иммунитетом купцами-сурожанами новгородский посад недодал в государево войско 40 пищальников [2, с. 184–195; 13, с. 618].

ханский трон своего кандидата. В недавнее время эта концепция подверглась убедительной критике со стороны М.В. Моисеева, отнесшего время становления подобных «партий» к середине 1540-х гг. Признавая верность аргументации М.В. Моисеева, автор настоящей статьи не может, однако же, вполне согласиться с выводом исследователя, считающего, что уже в ходе интересующего нас переворота 1545 г. «можно отчетливо выделить "партии" казанской знати» [8, с. 27]⁵. Приводимая М.В. Моисеевым в качестве главного (и единственного) аргумента фраза официального летописца о «розни» в Казани накануне свержения Сафа-Гирея никак не может трактоваться как несомненное свидетельство «поляризации казанского населения». «Рознь» в данном случае куда логичнее перевести как «вражду» [24, с. 208], что наилучшим образом соответствует летописному контексту: «И оттоле начяша рознь быти в Казани, царь почял на князеи неверку держати» [18, с. 46]. Как видим, вторая часть известия достаточно ясно раскрывает значение первой – летописец сообщает о начавшейся открытой вражде, противостоянии *знати и хана*. Существенным аргументом в пользу монолитности аристократии во время ноябрьско–декабрьских событий может служить отсутствие каких-либо упоминаний о преследованиях казанских сторонников Сафа-Гирея; защищать правителя вышла лишь крымская гвардия, большая часть которой полегла на улицах объятого мятежом города. Русские летописи, а также письма сыновей ногайского бия Юсуфа говорят об одном: потерявшие всякое терпение казанцы выступили против крымской клики единым фронтом⁶. Не удастся обнаружить следы «партийной борьбы» и в начале переговоров временного правительства с Москвой⁷. Так, официальное летописание прямо говорит о том, что уже первое посольство временного правительства от имени «всей земли Казанской» просило прислать в Казань «Шигалея царя» [18, с. 48]. О том же свидетельствуют Холмогорская летопись [19, с. 136] и дополнительные статьи Библиотечного VIII списка разрядной книги 1487–1577 гг.⁸ Имевший самое непосредственное отношение к возведению на престол Шах-Али, а потому чрезвычайно осведомленный дьяк Постник Губин также отметил, что приславшие посла казанцы обязались «во всей ... в воле великого князя быти» [20, с. 27]. Предположения о существовании в среде татарской аристократии лиц, поддерживавших грабительский режим Сафа-Гирея выглядят и вовсе фантастичными. Прямым подтверждением тому является неудачная попытка свергнутого правителя вернуть себе ханский престол.

⁵ В подобном ключе о перевороте 1545 г. высказывались и предшествующие исследователи, в частности, М.Г. Худяков [26, с. 97–99].

⁶ Не случайным в этой связи представляется уточнение официального летописца: «Казанцы Сафа-Кирея царя с Казани согнали, а *крымских* (здесь и далее выделено нами – Н.Б.) люди многих побили» [18, с. 47]. В тех же выражениях описывали переворот и ногайские адресанты князя Ивана: «и казанские люди ... Сафакирея царя опять с Казани сослали» [12, с. 293]. Автор Казанского летописца также высказался более чем красноречиво: «воста в Казани, в велможах и во всем народе и во всем люду казанском, смятение великое; возвигоша бо крамолу *все*, соединившеся большие с меньшими, на царя своего Сапкирея» [16, стб. 49].

⁷ А.Б. Кузнецов полагает, что переговоры с Иваном IV вела некая «прорусская группировка» казанцев [7, с. 15], что совершенно невероятно, ведь источники свидетельствуют: диалог с Москвой вела не аморфная группа феодалов, но – «вся земля Казанская».

⁸ Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (ОР РНБ). Q.IV.86. Л. 168.

Сразу же после своего свержения Сафа-Гирей отправился в Астрахань. Получив военную поддержку астраханского хана, он выступил в поход на Среднюю Волгу. Прибыв под стены Казани во главе отряда астраханских татар, Сафа-Гирей «чаял того, нечто-ль де князи и лучшие люди его похотят». Но казанская знать даже не попыталась оказать ему поддержку. Отчаявшись взять город «единою стрелою» (т.е. – без осадной артиллерии), уязвленный Сафа-Гирей отступил в степь [11, с. 271–272]⁹.

Подытожим наши наблюдения. Очевидно, раскол в среде татарской политической элиты произошел лишь после изгнания Сафа-Гирея, в ходе выборов нового хана зимой–весной 1546 г., когда казанская знать разделилась на два противостоящих лагеря: сторонников и противников вынужденного сближения с Москвой. Пока речь шла о смене Сафа-Гирея, казанская знать стояла заодно и готова была просить Ивана IV о помощи. После бегства Сафы и отражения его нападения на город казанские феодалы разделились на два лагеря: одни ратовали за дальнейшее сотрудничество с Москвой и готовы были посадить на престол московского ставленника Шах-Али, другие выступали за самостоятельное политическое развитие Казанского ханства (повторимся, ни о какой прокрымской «партии» после изгнания и последующей борьбы с Сафа-Гиреем не могло быть и речи!). Оппозиции, несогласной с решением «всей земли Казанской», пришлось уступить свои позиции: 8 июня, накануне приезда Шах-Али, город покинула целая плеяда высокопоставленных татарских сановников [20, с. 27]. 13 июня 1546 г. Шах-Али был возведен на «царство» [18, с. 48].

Шах-Али уже управлял Казанью в 1519–1521 гг. и был согнан с престола казанской знатью, пригласившей на его место молодого Сафа-Гирея. Второе правление московского ставленника также было несчастливым. Испросившая его у Ивана IV казанская знать отнюдь не была русофильствующей – она руководствовалась сугубо прагматическими интересами: обеспечением мира с Москвой и реализацией своих властных прерогатив. В соответствии с выдвинутыми аристократией условиями, Шах-Али обязался не вводить в столицу ханства русский гарнизон. Нового хана сопровождали лишь великокняжеские посланники и, возможно, некоторые касимовские «мурзы» и «князья» [18, с. 48; 16, стб. 51]. Говоря о крайне непрочном положении Шах-Али, московский книжник заметил, что он был «не яко царь, но яко пленник» [16, стб. 52]. Изложенные на страницах Казанского летописца обстоятельства кратковременного «пленения» Шах-Али носят в значительной степени тенденциозный характер, однако, в то же время, содержат весьма правдоподобные отголоски развернувшейся у подножия ханского трона политической борьбы. Шах-Али был фактически отстранен от управления ханством. Оставшиеся в Казани противники Москвы якобы даже намеревались убить хана, но были остановлены увещаниями Чуры Нарыкова. Инициатор приглашения Шах-Али, один из деятельных организаторов заговора против Сафа-Гирея, ловкий политик Чура опасался возобновления войны с московским государем. Кроме того, он должен был остерегаться и возвращения изгнанника Сафа-Гирея, который в случае гибели Шах-Али становился главным претендентом на казанский престол. Уже через месяц после своего воцарения,

⁹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 9. Л. 27об.

Шах-Али, «не стерпе лукавства казанцов», вынужден был бежать в Москву [25, с. 358; 4, с. 436]. В сходных выражениях бегство Шах-Али описывается в Постниковском летописце и позднем летописании [20, с. 27; 5, с. 213]. Сам Шах-Али объяснял свой поступок прямой изменой казанцев: «казанцы изменили великому князю и взяли Сафа-Кирея царя, а его хотели выдати Сафа-Кирею царю» [18, с. 48, 147; 14, с. 148–149; 15, с. 448; 17, с. 467].

Сличение данных официального летописания с «ногайской» перепиской московского двора позволяет установить наиболее вероятную причину поспешного бегства Шах-Али. После провального похода на Казань зимой 1545/46 г. Сафа-Гирей отправился во владения своего тестя – ногайского мирзы Юсуфа. Щедрое обещание и посулы бывшего казанского хана возымели действие – во главе сильного отряда ногайских татар он вновь двинулся на Среднюю Волгу [11, с. 143]¹⁰. В Казани о движении Сафа-Гирея стало известно лишь когда его войска подошли к реке Каме. Для ожидавшего отовсюду измены Шах-Али одного этого было достаточно, чтобы увериться в существовании заговора. Московский ставленник бежал из города. Однако даже после бегства правителя казанская знать, как и несколькими месяцами ранее, сообща выступила против возвращения Сафа-Гирея. По сообщению посольских книг, из Казани к нему приехали не «добрые» (знатные), а лишь «худые люди» [11, с. 274]. В результате тяжелых восьмидневных боев Сафа-Гирей вступил в город [11, с. 273–274]. Жестокие репрессии, обрушившиеся на головы казанской знати (причем далеко не только той ее части, что открыто выступала за союз с Москвой), нанесли серьезный урон обороноспособности ханства: многие аристократы подверглись смертной казни, порядка сотни «князей» бежали ко дворам Ивана IV и ногайского мирзы Юсуфа [18, с. 49; 20, с. 27–28; 12, с. 294, 297, 320]. По-сути, кровавое возвращение Сафа-Гирея ознаменовало собой отнюдь не рождение «крымской партии» во главе с казанским вельможей Бейбарс-беком, как о том пишет М.В. Моисеев [8, с. 28]¹¹, а *тотальную смену высшей управленческой элиты Казанского ханства*. Недаром русские летописи едва ли не единодушно утверждают, что Сафа-Гирей «стал владети Казанью с крымскими князьями» [18, с. 49, 148; 14, с. 149; 15, с. 450; 17, с. 468; 20, с. 27–28], а непосредственный участник переворота – ногайский «царевич» Абдулла – говоря о ближайшем ханском окружении, упоминает лишь «всех ево крымцев» [11, с. 275].

Основными итогами переворота 1546 г. стало не только существенное ослабление казанской аристократии, частично уничтоженной Сафа-Гиреем, частично бежавшей со Средней Волги, но и резкое ухудшение международного положения Казанского ханства. Ногайские родственники хана Сафы оказались обмануты: вопреки щедрым обещаниям, за свою помощь они

¹⁰ Подробно о переговорах Сафа-Гирея с князем Юсуфом см.: [9, с. 176].

¹¹ Построения М.В. Моисеева опираются в данном случае исключительно на послание астраханца Шерифи, сообщавшего среди прочего, что Бейбарс – «городской бек, правитель Булгарского вилайета, ... управитель делами областей султана, завоеватель ханской казны» [27, с. 90]. На наш взгляд, осведомитель султана Сулеймана отразил в своем послании куда более поздние реалии 1550 г., когда после смерти Сафа-Гирея и восшествия на престол его сына Утямышы старая казанская аристократия отчасти вновь получила доступ к рычагам управления юртом.

не смогли добиться от нового казанского хана каких-либо преференций. Кроме того, перед новым казанским правительством вновь встал вопрос о продолжении вооруженной борьбы с Русским государством. Таким образом, Казань оказалась на грани войны сразу с двумя своими соседями – Москвой и Ногайской Ордой [23, с. 173–174]. Все это вкупе с нестабильной внутриполитической ситуацией, наличием впечатляющих по своим масштабам групп казанских эмигрантов при дворах Ивана IV и ногайских мирз ставило под угрозу безопасность Казанского ханства.

Итак, анализ источников позволяет следующим образом реконструировать перипетии политической борьбы в Казани в начале Казанской войны. Агрессивная политика Сафа-Гирея, при поддержке Крыма организовывавшего беспрестанные нападения на русские окраины, привела к ответному походу московских полков, состоявшемуся в апреле–мае 1545 г. Обострившийся конфликт хана Сафы и местной казанской знати привел к политическим репрессиям мая–июня 1545 г. В этой ситуации желавшие свергнуть неудобного хана казанцы обратились к Ивану IV. Переворот и изгнание Сафа-Гирея из Казани в ноябре–декабре того же года произошли благодаря единению всех групп населения юрта. То же единение наблюдалось и несколькими месяцами позднее – при обороне города от астраханского войска Сафа-Гирея. Избавившись от засилия крымцев, казанская знать раскололась. Большая ее часть выступила за дальнейшее сближение с Москвой при условии максимального ограничения власти московского ставленника Шах-Али: эта позиция позволяла сохранять мир на западной границе, надеяться на военную помощь Москвы в случае очередного возвращения Сафа-Гирея, а также давала возможность казанским феодалам в полной мере реализовать свое право на управление государством. Другая часть воспротивилась посажению на престол Шах-Али, вероятно, опасаясь русского засилья, как то было в правление Василия III; будучи не в силах противостоять мнению большинства, она покинула Казань. Шах-Али номинально правил около месяца и, по видимому, во второй половине лета 1546 г. бежал из столицы, опасаясь, что казанская знать предаст его в руки идущего на Казань Сафа-Гирея. Однако «вся земля Казанская» вновь объединилась против своего бывшего хана. С боем овладев Казанью, Сафа-Гирей учинил масштабную расправу над своими политическими оппонентами, значительная часть уцелевших бежала в Москву и Ногайскую Орду. К власти в Казани пришла не мифическая «крымская партия» казанской знати (коей попросту не могло существовать), а крымское окружение хана Сафа-Гирея – неоднократно упоминающиеся в источниках этого периода «все его крымцы». Лишь смерть Сафа-Гирея в марте 1549 г. и восшествие на престол его сына – малолетнего Утямыш-Гирея – вновь открыли старой казанской знати доступ к рычагам управления Казанским ханством, что и было зафиксировано в сочинении астраханца Шерифи и русских летописях, сообщавших: «И посадили казанцы и крымцы, *содиначася*, на царство на Казанское ... Утемиш-Гирея» [18, с. 56].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абилов Ш.Ш.* Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1979. С. 56–63.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. 546 с.
3. *Димитриев В.Д., Чибис А.А.* К истории кабаков и кружечных дворов в Казанской земле во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 2005. Вып. 3. С. 3–22.
4. *Жуков А.Е.* Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. С. 275–448.
5. *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сборник статей. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 187–218.
6. *Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 352 с.
7. *Кузнецов А.Б.* Русский поход на Казань 1545 года и его последствия // Вестник Мордовского университета. 1997. № 1. С. 13–16.
8. *Моисеев М.В.* Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.
9. *Моисеева Г.Н.* Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 174–187.
10. *Несин М.А.* Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 116–120.
11. Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 8. СПб., 1793. 336 с.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 356 с.
13. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 158 с.
14. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904. 302 с.
15. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. 238 с.
16. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 306 с.
17. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Львовская летопись. СПб., 1914. 272 с.
18. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
19. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.
20. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 237 с.
21. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М.: Наука, 1977. 216 с.
23. *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола; Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 268 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Ряшенко). М.: Наука, 1997. 298 с.

25. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. 564 с.
26. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Государственное издательство, 1923. 304 с.
27. Шерифи Х. «Зафер наме-и вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 83–92.

Сведения об авторе: Никита Васильевич Белов – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (191180, Загородный пр-т, 45, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2342-694X>. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Поступила 29.03.2019 Принята к публикации 03.06.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Abilov Sh.Sh. Idei sotsial'noy utopii v nasledii tatarskikh mysliteley perioda srednevekov'ya [Ideas of social utopia in the legacy of Tatar thinkers of the middle ages]. *Iz istorii tatarskoy obshchestvennoy mysli* [From the History of Tatar Social Thought]. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of the USSR, 1979, pp. 56–63. (In Russian)
2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiy imperatorskoy Akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg, 1836. 546 p (In Russian)
3. Dimitriev V.D., Chibis A.A. K istorii kabakov i kruzhechnykh dvorov v Kazanskoy zemle vo vtoroy polovine XVI–XVII vv. [To the history of taverns and circular yards in the Kazan land in the second half of the 16th – 17th centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the University of Chuvashia]. 2005, Is. 3, pp. 3–22. (In Russian)
4. Zhukov A.E. Vremennik russkiy po stepenyam [Russian Chronicle by Degrees]. *Letopisi i hroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012* [Annals and Chronicles. New Studies. 2011–2012]. Moscow, St. Petersburg: «Alliance-Archeo», 2012, pp. 275–448. (In Russian)
5. Koretskiy V.I., Morozov B.N. Letopisets s novymi izvestiyami XVI – nachala XVII v. [Chronicle with the new information of the 16th – early 17th century]. *Letopisi i hroniki. Sbornik statej. 1984 g.* [Annals and Chronicles. Collected Papers. 1984]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 187–218. (In Russian)
6. Kotlyarov D.A. *Ot Zolotoy Ordyy k Moskovskomu tsarstvu: vkhozhenie narodov Povolzh'ya v sostav Rossii* [From the Golden Horde to the Moscow Tsardom: the entry of the Volga's peoples into Russia]. St. Petersburg: «Oleg Abishko's Publ.», 2017. 352 p. (In Russian)
7. Kuznetsov A.B. Russkiy pokhod na Kazan' 1545 goda i ego posledstviya [The Russian campaign against Kazan in 1545 and its consequences]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the University of Mordovia]. 1997, no. 1, pp. 13–16. (In Russian)
8. Moiseev M.V. Politicheskaya bor'ba kazanskoy znati: istoriografiya i russkie istochniki [The political struggle of the nobility of Kazan: Russian historiography and sources]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States].

Vol. 5. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 20–30. (In Russian)

9. Moiseeva G.N. Kazanskaya tsaritsa Syuyun-Bike i Sumbeka «Kazanskoy istorii» [The Kazan Tsarina Syuyun-Bike and Sumbeka of the “Kazan History”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. Vol. 12. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1956, pp. 174–187. (In Russian)

10. Nesin M.A. Pokhody kazanskikh tatar na Nizhegorodskie zemli v 1535–1536 gg. [Campaigns of the Kazan tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535–1536]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Vol. 7. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 116–120. (In Russian)

11. *Prodolzhenie Drevney rossiyskoy vivliofiki* [The continuation of Ancient Russian Vivliofika]. Part 8. St. Petersburg, 1793. 336 p. (In Russian)

12. *Posolskie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoj. 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995. 356 p. (In Russian)

13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 4. Ch. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. Release 1. Part 3 [Novgorod Fourth Chronicle]. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1929. 158 p. (In Russian)

14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 13. Ch. 1. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Ch. 1. Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1904. 302 p. (In Russian)

15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 13. Ch. 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Ch. 2. Additions to the Nikon Chronicle. The So-called Royal Book]. St. Petersburg, 1906. 238 p. (In Russian)

16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 19. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets) [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19. The Story of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler)]. St. Petersburg, 1903. 306 p. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 20. Ch. 2. L'vovskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20. Ch. 2. Lviv Chronicle]. St. Petersburg, 1914. 272 p. (In Russian)

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 29. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 29. Chronicler of the Beginning of the Reign of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 390 p. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 33. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskoy letopisets [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 33. Kholmogorsk Chronicle. Dvina Chronicler]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 256 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belskiy Chronicles]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 237 p. (In Russian)

22. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Books of official instructions 1475–1598]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 616 p. (In Russian)

23. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Books of official instructions 1475–1605]. Vol. 1. Release 2. Moscow: Nauka Publ., 1977. 216 p. (In Russian)

24. Svechnikov S.K. *Prisoedinenie Mariyskogo kraja k Russkomu gosudarstvu* [Accession of the Mari region to the Russian state]. Yoshkar-Ola: Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 268 p. (In Russian)

25. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language of the 11th–17th centuries]. Vol. 22. Moscow: Nauka Publ., 1997. 298 p. (In Russian)

26. *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam* [The Book of Degrees of the Royal Genealogy: A Critical Edition Based on the Oldest Known Manuscripts]. Vol. 2. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2008. 564 p. (In Russian)

27. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Kazan: State Publ., 1923. 304 p. (In Russian)

28. Sherifi Kh. «Zafer name-i vilayet-i Kazan» [The book of victories of the Kazan vilayet]. *Gasyrlar avazy = Ekhho vekov* [Echo of the Centuries]. 1995, no. 1, pp. 83–92. (In Russian)

About the author: Nikita V. Belov – student of the Institute of History of St. Petersburg State University (45, Zagorodnyi prosp., St. Petersburg 191180, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2342-694X>. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Received March 29, 2019 Accepted for publication June 3, 2019

Published June 29, 2019